

На ночной улице не было ни души. Где-нибудь на Невском сейчас полно народу, музыка, шум, веселье, а здесь, хоть и считается центр, кажется, что город просто вымер. Мои шаги гулко отдавались от мрачных каменных стен. Хорошо хоть не холодно, разогретый асфальт отдает накопленное за день тепло, да и достаточно светло, летом у нас в городе всю ночь без света читать можно, но все равно как-то неуютно. А самое главное — непонятно, что делать дальше, куда теперь податься. После скандала с благоверным и его мамочкой, вылитой жабой, я вылетела из дома на всех парусах, злость меня подгоняла, и никаких мыслей в голове не осталось... Впрочем, тетя Галя говорит, что я всегда так — сначала сделаю, а потом подумаю. Кроме того, у меня в руках был ключ от *той квартиры*, и я решила, что смогу там переночевать.

Но с *той квартирой* случился облом, еле ноги оттуда унесла, и теперь совершенно непонятно, куда идти.

Впереди показались башенки Калинкина моста. В этом районе я выросла, помню каждую подворотню, но от этого нисколько не легче. За сегодняшний день столько всего произошло, начиная со ссоры с заведующей аптекой, где я работаю... точнее, где я работала, потому что после нашего душевного разговора Лариса Ивановна заявила, чтобы больше моей ноги в аптеке не было. И я, честно говоря, этому да-

же обрадовалась. Осточертел этот тошнотворный запах лекарств, злобные старухи, норовящие сказать какую-нибудь гадость, алкаши, выклянчивающие настойку боярышника и опрокидывающие пузырек в глотку прямо тут же, перед прилавком, наркоманы с трясущимися руками и пустыми глазами...

Так что, если бы дело было только в аптеке, я бы не слишком переживала. Но потом муженек подкинул мне подянку, а когда я не выдержала и начала разговор, влезла его драгоценная мамаша...

В итоге к концу дня у меня не осталось ни семьи, ни жилья, ни работы.

Я прислушалась. Уже несколько минут за моей спиной раздавались чьи-то шаги — тихие, неровные, крадущиеся. Я остановилась — затихли и эти шаги, снова пошла — и шаги за спиной зазвучали опять. Только этого не хватало!

Я вспомнила всякие жуткие истории, которые рассказывали девчонки в той же аптеке, и прибавила шагу. Хоть бы добраться до какого-нибудь более оживленного места...

Шаги за спиной тоже ускорились. Я украдкой оглянулась и заметила краем глаза какое-то движение, прижавшуюся к стене дома тень, пытающуюся слиться с этой стеной...

Только не впадать в панику! Эти сволочи, подстерегающие на ночных улицах свою жертву, чувствуют твой страх и бегут на него, как охотничьи собаки бегут по следу раненого зверя.

Как я уже говорила, я выросла в этом районе, знала здесь все переулки, все подворотни, все проходные дворы и надеялась, что это мне поможет. Свернув к знакомой арке, хотела пробежать двором на Старо-Петергофский проспект, где могли еще попасться поздние прохожие, но навстречу мне высо-

чил тощий отвратительный тип с прилипшими к шишковатому черепу жидкими сальными волосами. Я разглядела в полутьме подворотни его пустые стеклянные глаза и поняла, что дело плохо. Это наркоман, я таких в аптеке немало навидалась, ему за дозу ничего не стоит человека убить...

Шарахнувшись от него, бросилась назад, и тут мне заступил дорогу второй, тот самый, который крался следом. Такой же тощий, с впалыми щеками и серым безжизненным лицом.

— Стой! — прошипел он, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Стой, стерва, все равно не уйдешь!

Меня вдруг охватила злость, и еще презрение. Жалкие, исколотые, до времени состарившиеся, полуживые... да неужели я не справлюсь с такими? После всего, что мне пришлось пережить за сегодняшний день, двое наркоманов показались не заслуживающими внимания.

Я вспомнила бурные подростковые годы, прошедшие на этих же улицах, подскочила к запыхавшемуся уроду, сделала обманное движение и изо всех сил пнула его между ног.

Наркоман вскрикнул, лицо его еще больше посерело, он согнулся и попятился, ловя ртом воздух. Я рассмеялась, настолько жалким он мне показался.

И это было моей ошибкой. Я забыла о втором, том, который остался у меня за спиной. Он, похоже, обладал неожиданной для наркомана прытью, потому что серое ночное небо вдруг стало черным и упало на меня.

Мне ничего не снилось. И никто меня не будил. Просто что-то щелкнуло в мозгу, и я осознала, что лежу на узком продавленном диване. Пахло пылью и

затхлостью, но, странное дело, запах этот не только не был противен, но даже ощущалось в нем нечто удивительно знакомое. Не открывая глаз, я прислушалась. Рядом со мной никого не было, а за стеной слышался ровный и мощный гул. И снова меня кольнуло смутное воспоминание — этот гул я уже слышала раньше. И много раз.

Голова была как чугунная. Я попыталась перевернуться на бок, все тело отозвалось глухой болью. Пора открывать глаза и определяться, где я нахожусь и как дошла до жизни такой.

Ничего не случилось. Глаза открылись довольно легко. Я лежала на спине, перед глазами был низкий, давно не крашенный потолок в желтых подтеках. Снова ожило неясное воспоминание — я уже видела этот потолок, только подтеков тогда было меньше.

Я пошевелила руками, подняла их к глазам. Руки мои, это точно. Надо вставать. С огромным трудом я села, и потолок сразу же резко качнуло. Губы отчего-то присохли друг к другу, как будто их склеили «Моментом». Я осторожно спустила ноги с дивана, что-то упало, и за дверью раздалось деликатное покашливание.

— Кто там? — спросила я.

Вернее, хотела спросить. Вместо этого сумела исторгнуть из себя странные звуки, какие в нашей старой коммунальной квартире издавал иногда унитаз, — шипенье и кваканье. И никакой воды. Дверь открылась, и в комнатку заглянул странного вида мужичок. Весь он был какой-то несуразный — жидкая клочковатая борода, волосы пегие от пробивающейся седины, глаза скрыты под очками.

— Оклемалась? — ласково спросил дядечка. — Давай встать помогу...

Но я чего-то испугалась и шарахнулась от него.

Точнее, только попыталась это сделать, но вместо этого дернула резко головой, отчего перед глазами заплясали красные мухи.

— Ну-ну, ты не волнуйся, — дядечка отступил к двери. — Хочешь — полежи еще...

Мне безумно хотелось пить, но сказать об этом никак не получалось. Я подняла руку к лицу и коснулась губ. Дядечка пожал плечами, потом просветлел лицом и принес мне полкружки холодного несладкого чая. Кружка была большая, на пол-литра, с отбитой ручкой, с нарисованной на ней пестрой курицей с цыплятами. После питья стало чуть лучше. Неверной рукой я повернула кружку. Так и есть, три цыпленка отираются возле мамы-наседки, а четвертый все время убегает. Вон он загляделся на симпатичную мохнатую гусеницу. Определенно я уже видела эту кружку. И даже пила из нее чай. Хотя, говорят, после удара по голове у людей бывает такое состояние — кажется, что все это уже было... А меня, судя по всему, недавно ударили по голове, причем очень сильно.

— Кто вы? — спросила я дядечку, отдавая ему пустую кружку.

Голос был совершенно не мой — хриплый и больной, но слова понять можно.

— А сама-то ты кто? — обиделся он. — Я же тебя не спрашиваю, а ты сразу личность выяснять начинаешь!

— Как я сюда попала? — настаивала я.

— Ну, как попала, — вздохнул дядечка, — обыкновенно попала. Напали на тебя, ограбили, вещи-деньги отняли да по голове дали. Голова-то болит?

Я кивнула, и простое это движение отозвалось в голове сильнейшей болью.

— То-то, — снова вздохнул дядечка. — Поздно ходишь одна. Беспечные вы, девчонки. Хорошо, что не до смерти... Черепушка-то заживет.

В бедной больной моей голове зашевелились обрывки воспоминаний. Вот я бегу по совершенно пустой улице, меня преследуют чьи-то шаги, затем я, кажется, кого-то ударила... Очевидно, потом ударили меня.

— Я уж к шапочному разбору подоспел, — рассказывал дядечка, — когда те подонки убежали. Иду себе, гляжу — ты лежишь. Поднял я тебя и повел сюда, ты сказала, что идти тебе некуда.

— Ничего не помню, — потупилась я.

— Да ну? — удивился мой спаситель. — А всю дорогу со мной разговаривала... Сказала, что муж из дому выгнал...

— Муж? — Я удивленно поглядела на дядечку. — Чей муж?

— Вот тебе и здрасти! — дядечка развел руками. — Ну не мой же! У меня, милая, свои заморочки, дома две мегеры — жена с тещей, мне чужого мужа не надо!

Я прислушалась к себе и поняла, что ничегошеньки не помню. Кто я такая? Зачем таскалась глубокой ночью по улицам? И самое главное — что теперь делать?

Дядечка поглядел на мое расстроенное лицо и, надо думать, проникся жалостью.

— Ты не переживай, — он подошел ближе и погладил меня по голове, — это бывает после удара. Со временем все вспомнишь.

Рука его нащупала огромную шишку на моем затылке и застыла, чтобы не причинить лишнюю боль.

— С утра Семеныча позову, — сообщил он, — он

по этому делу, по голове то есть, очень хорошо все понимает. Раньше невропатологом был...

Снова совершенно машинально память отметила знакомое имя — Семеныч. Я знала человека с таким именем.

— Ты не думай, он специалист хороший, — заговорил дядечка, неправильно поняв мое молчание, — запросто может сотрясение мозга определить или там что. Когда не пьяный, конечно. Но с утра он не пьяный, у них в морге с этим делом строго. Покойникам-то, конечно, все равно, но родственники запросто могут и жалобу накатать... Да не смотри ты так, ну санитаром он в морге работает.

— Да я ничего, — вздохнула я.

Мы посидели немного молча. Гул за стенкой прекратился, вместо этого слышались теперь такие звуки, как будто какое-то огромное животное ворочалось и тяжело вздыхало, отходя ко сну.

— Это ведь котельная? — внезапно спросила я.

— Точно! — заулыбался мой спаситель. — А говоришь — не помнишь ничего... Я тут работаю оператором. Вышел за сигаретами на минутку, вот тебя и нашел.

— Спасибо, — я ухватилась за его руку, — а туалет у вас здесь есть?

— А как же! — дядечка возмутился даже. — Все у нас есть, как положено! Даже душ имеется!

Он помог мне подняться и повел в нужном направлении. Выйдя из каморки, мы попали в комнату побольше. Там стоял обшарпанный стол, застеленный когда-то белой бумагой. На столе гордо высился ярко-синий электрический чайник и еще кое-какая посуда, прикрытая полотенцем. Над столом висела полочка, изъеденная жучком. На полочке очень ак-

курратно были расставлены несколько книжек и тетрадки. На другом конце стола стояла старинная настольная лампа на бронзовой подставке, но с самодельным абажуром, и лежала пачка исписанных листов бумаги. Я видела когда-то и эту лампу, только абажур был настоящий — темно-зеленого стекла, и всю комнату я тоже видела.

— Что, милая, нехорошо тебе? — заботливо спросил дядечка.

Я рассеянно обвела взглядом комнату и шагнула в сторону. Вот оно — то самое, что я искала! В простенке между столом и входной дверью висела картина. Изначально в ней не было ничего особенного — репродукция картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Такие репродукции раньше висели в детских садах и поликлиниках, а теперь картинку с тремя медведжатами можно встретить только на шоколадных конфетах. Но вот сколько себя помню, эта картина висела здесь. Ошибиться я не могла, да и никто не смог бы. Потому что над картиной потрудился не только художник Шишкин. То есть изначально это была скромная, совершенно обыкновенная репродукция в дешевой раме, но понемногу к ней пририсовывали новые, не предусмотренные Шишкиным, детали. Поскольку сам обитатель котельной и его многочисленные гости были художники, никто из них не мог спокойно пройти мимо ре-продукции. Кто-то очень реалистично изобразил на первом плане пустую бутылку из-под пива, кто-то — пачку сигарет, кто-то — смятую газету, и так постепенно в сосновом лесу образовалась целая груда всевозможного бытового мусора, на которую бедные медведжата взирали с глубокой недетской грустью.

— Дядя Витя, — неуверенно проговорила я.

— Чего, девонька? — переспросил мой спаситель.

— Здесь раньше был другой человек, — я напругла память, отчего голова взорвалась болью. — Я бывала у него... его звали дядя Витя.

— Точно, — дядечка обрадовался, — работал здесь до меня Виктор. Художник. Только помер он...

— Помер... — автоматически повторила я, прикоснувшись рукой к такой знакомой картине.

Вернувшись на диван, я снова улеглась, натянула до подбородка одеяло и закрыла глаза. Перед моими закрытыми глазами побежали разноцветные картинки, как бывает перед сном, только на этот раз я не заснула.

Я лежала, понемногу вспоминая свою жизнь. Вспомнила, как мы жили с тетей Галей в коммунальной квартире. У нас был всего один сосед, тот самый художник Виктор. Я называла его «дядя Витя» и часто приходила в его комнату. У него было очень интересно: по стенам приколоты кнопками репродукции картин, на шкафу стояли красивые кувшины и разные необычные вещи, среди них даже желтоватый череп. На одной стене висела длинная узкая картинка с китайскими иероглифами и страшно оскалившимся тигром. Еще у него было много кистей и карандашей в глиняных горшках. Когда дядя Витя был занят, он давал мне кусок бумаги и карандаши и усаживал в уголке, за маленьким столиком, и я часами рисовала все, что приходило в голову. А иногда он усаживался рядом со мной и показывал, как держать карандаш и кисточку, как правильно рисовать дерево, лошадь, человека.

Хотя Виктор был художником, работал он — оператором в котельной Седьмой городской больницы, совсем

недалеко от нашего дома. Именно в этой котельной, где я сейчас лежала. Я часто бывала тут у него. Здесь он делал то же самое, что дома, — рисовал, разглядывал чужие рисунки, разговаривал о них с другими художниками, которые приходили к нему в котельную. Время от времени он проверял показания приборов, но это не отнимало много времени. Иногда он выпивал со своими гостями, при этом Виктор посматривал на меня смущенно, как будто извиняясь за то, что пьет при мне.

— Это Седьмая городская больница? — спросила я своего хозяина, не открывая глаз.

— Ну да, — подтвердил тот удивленно, — больница Святой Агриппины, бывшая имени наркома Кошкиса...

Все точно, это та самая котельная, один раз дядя Витя по моей просьбе даже нарисовал портрет красного комиссара Кошкиса. Это было давно, лет пятнадцать назад. На картинке был здоровый такой дядька на вороном коне, с саблей и «маузером». Еще у него была фуражка со звездой и пушистые кошачьи усы. Теперь, значит, больницу переименовали. Интересно, как выглядит святая Агриппина? И за что ее сделали святой?

Я тут же рассердилась на себя за то, что думаю о совершенно посторонних вещах, вместо того чтобы вспоминать, кто я такая и что со мной произошло.

— Если тебе лучше, — напомнил о себе мой спаситель, — то я пойду поработаю. А ты поспи, сон от всего лечит... Если надо чего, то крикни, я принесу. Меня Мишей зовут, Михал Михалыч то есть...

Он приосанился и выпятил бороду вперед. Мне стало смешно, и губы сами собой выговорили:

— А я Таня. Таня Королькова.

— Вот и ладненько, — обрадовался Миша, — раз

имя свое вспомнила, стало быть, дело на поправку пошло.

Он ушел и закрыл за собой дверь, а я продолжала вспоминать, лежа без сна.

Родителей своих я не помню. Мать умерла при родах, а отца у меня не было. То есть, конечно, где-то он был, думаю, и сейчас есть, но никогда мы с ним не встречались. Мы жили вдвоем с теткой, старшей сестрой матери. Тетя Галя работала операционной медсестрой в этой самой Седьмой больнице, и жили мы в коммунальной квартире недалеко отсюда. Жили бедновато — сами понимаете, на зарплату медсестры не разбежишься. Тетка все время подрабатывала — вечно таскалась по больным с уколами, оставалась дежурить в больнице. Но это потом, когда я подросла и не боялась ночевать одна. Еще платило государство мне какое-то пособие, как сироте. Никаких денег от отца я не получала никогда, собственно, и слова-то такого — «отец» — не было в моем лексиконе. Тетка на все детские вопросы отмалчивалась, но лет с десяти я уже знала всю историю моей матери — соседки просветили. Мама была красавицей, это признавали все. Несколько сохранившихся любительских фотографий не дают полного представления о ее внешности, утверждала тетя Галя, в жизни ее сестра была еще лучше. «Но не родись красив, а родись счастлив», — тут же добавляла тетка и тяжело вздыхала. В двадцать лет мама влюбилась в одного типа — он был сыном высокопоставленного чиновника, не то его папочка в горкоме работал, не то в исполкоме. Все это для меня пустые слова теперь. Этот тип мамой, несомненно, увлекся, разгорелся серьезный роман. Но до тех пор, пока не пронюхали про любовь своего сыночка его высокопоставленные родители. Им невестка из про-

стой семьи оказалась не нужна, о чем тетя Галя маму неоднократно предупреждала. Но мамочка слушала только голос своего сердца и не обращала внимания на советы умных людей.

— Что делать, такая уж она уродилась, — грустно говорила мне тетя Галя, когда мы с ней обсуждали историю моего появления на свет.

Я все-таки прижала ее к стенке и заставила рассказать все, как есть. Короче, когда мама забеременела, тот тип отказался на ней жениться. Он говорил, что это из-за родителей, но на самом деле просто она ему надоела. И мама решила сама вырастить ребенка, ни у кого не прося помощи. Даже я в двенадцать лет понимала, что дело это почти безнадежное. У матери в двадцать лет не было ни образования, ни специальности. Не было у нее и никаких особенных талантов. Короче, она молчала как партизан, пока тетя Галя сама не догадалась, что с ней не все в порядке. Но было уже поздно.

В этом месте рассказа тетя Галя спохватилась и обняла меня крепко-крепко, как бы прося прощения за свои слова. Рассказать все моему будущему отцу мать категорически отказалась. И пообещала, что уйдет из дома, если тетя Галя сама попробует о чем-то договориться с той семейкой. Вообще, это был единственный случай, когда мать проявила несвойственные ей решительность и упорство. Предвижу, что кто-то может меня упрекнуть в том, что говорю о моей умершей матери не слишком уважительно. Но я ее никогда не видела, трудно отождествлять со словом «мама» несколько не очень удачных любительских фотографий.

Тем не менее я очень на нее похожа. И не только внешне. С этим-то все прекрасно. Но кроме красо-

ты, мамочка передала мне в наследство свою несобранность, неумение разбираться в людях, полную безответственность, как утверждала тетя Галя, и вообще ветер в голове. Сейчас, лежа на старом продавленном диване, я думала, что, если бы не мой дурацкий характер, ничего бы не случилось. Потому что кое-какие воспоминания ожили в мозгу, но лучше бы они этого не делали.

Итак, мамы не стало при родах — у нее не выдержало сердце. И тетя Галя осталась со мной один на один. Она никогда не жаловалась, и я поняла, как ей было трудно, только повзрослев. Родственников у нас с ней больше не было, и меня помогал воспитывать сосед дядя Витя. Он вечно торчал дома, и тетка подсовывала ему меня, когда нужно было сбежать в магазин или на молочную кухню. Потом он приводил меня из садика, затем — забирал из школы. Дядя Витя был непризнанным художником, он нигде не выставлял свои работы и вечно ругал власти. Работал он в котельной, тем и жил. Вечно у нас в квартире толклись такие же бородатые неопрятные личности, спорили об искусстве и выпивали. Со временем разговоров об искусстве становилось все меньше, а пьянок — все больше, так что тетя Галя даже пару раз выгоняла живописные сборища, а один раз, когда у нее из сумочки пропали деньги, даже грозилась вызвать милицию. И хоть угрозу свою она, разумеется, не выполнила, потому что характер у моей тетки очень отходчивый и вообще золотой она человек, но то ли кто-то из соседей потерял терпение, или же начальство котельной проявило бдительность, но появился как-то к нам в отсутствие дяди Вити один такой неприятный тип с глазами, как два буравчика. Этими самыми буравчиками он внимательно оглядел

квартиру и предъявил тетке красную книжечку. После чего они выгнали меня из комнаты и предались беседе. Собственно, беседовал-то в основном противный тип из органов, он задавал вопросы, часто ли собираются у дяди Вити компании и о чем они говорят. Тетя Галя отвечала односложно, что ничего не знает. Все это я подслушала под дверью.

Время шло, после перестройки многие друзья-художники уехали за границу, кто-то вышел из подполья и стал знаменитым, но дядя Витя по-прежнему работал в котельной и потихоньку спивался. Шумные компании к нему теперь не ходили, соображали они на троих с тихим алкоголиком Петей и с Генкой-инвалидом. Генка ходит в «пятне» и утверждает, что потерял ногу в Афганистане, хотя весь двор знает, что семь лет назад он по пьяному делу попал под электричку.

Я за это время закончила школу, а потом — фармацевтический колледж, тетя Галя настояла. Она сказала, что медсестрой я работать не смогу — да и доверить больного такой безответственной личности, как я, будет преступлением. А лекарство — что ж, все в рецепте да на коробочке написано, ничего не перепутаешь... Не то чтобы мне очень хотелось работать в аптеке, просто было все равно. Как уже говорила, мозгов при рождении мне особо не отсыпали, так что о высшем образовании я без содрогания и думать не могла.

Я заканчивала последний курс, когда дядя Витя заболел. Он все ходил и ходил в поликлинику и жаловался на врачей. Когда же он попросил достать ему некоторые лекарства, мы с теткой все поняли: онкология.

Он протянул месяца два, последние недели тетя Галя не пускала меня в больницу, говорила, что смотреть на это в юном возрасте не рекомендуется,

можно на всю жизнь психику покалечить. Странно было слышать от нее такие речи, видно, и впрямь дяде Вите стало совсем плохо.

После смерти соседа выяснилось, что он вовсе не был одинок. Тут же набежали какие-то дальние родственники и принялись рыскать по комнате. Брат у дяди Вити было нечего, это они поняли сразу — полупустая комната, поношенные вещи... К этому времени исчезли репродукции, кисти с красками, красивые кувшины со шкафа, и даже желтый череп тихий алкоголик Петя продал как-то по просьбе дяди Вити за двадцать рублей на толкучке. Немногочисленные же рисунки самого дяди Вити и его друзей сосед перед уходом в больницу собрал в большую папку и отдал мне, велел сохранить, не уточнив для кого. Я решила сохранить их для себя, потому что мне очень нравились некоторые картины. Дядя Витя отвернулся и буркнул, что если с ним что случится, то пускай это все будет мое. И еще добавил, что больше ничего не может мне оставить на память.

Тетя Галя неоднократно удивлялась моей выдержке. Так, например, еще с детства я никогда не плакала в очереди на анализ крови, не боялась уколов и зубного врача. Я вообще никогда не плачу, и тетка как-то в сердцах назвала меня бесчувственной личностью. Возможно, она права, но в тот день, перед уходом дяди Вити в больницу, я прорыдала в подушку весь вечер.

Сначала родственников было трое. Две завитые крашенные тетки, одна приходилась дяде Вите двоюродной сестрой, другая — троюродной племянницей, или наоборот, я не слишком вникала. Еще была там ужасающих размеров старуха с бородавкой на носу и с усами. Говорила она густым басом и называла дядю

Витю племяшом. Позже присоединился к теткам коренастый широкоплечий мужик с руками толстыми, как ноги. Пальцы на руках были корявые, как корни у дерева, и такие же черные. Этими корявыми пальцами мужик все время пытался достать из пачки сигареты и рассыпал их по полу. Мужик принес с собой бутылки, тетки — кастрюлю винегрета и палку полукопченой колбасы. Перерыв всю комнату, родственники устроили поминки. Не позвали ни нас с тетей Галей, ни других соседей. Мы с теткой только плечами пожали — не больно-то и хотелось.

Но самое интересное случилось потом, когда родственнички напились и стали буяннить. Раздался звонок в дверь, я открыла. На пороге стояла довольно молодая, лет тридцати баба, очень худая и жуткая стерва. Вот ей-богу, она и слова не успела сказать, а я уже сразу все про нее поняла. Бывают такие люди — с первого взгляда всю их сущность видно. Девушка прищурила ярко накрашенные глаза и спросила, не утруждая себя приветствием:

— К Семушкину как пройти?

Я даже не сразу сообразила, что Семушкин — это дядя Витя, потом мотнула головой в сторону закрытой двери, из-за которой раздавалось нестройное пение — что-то про Хасбулата удалого и про его бедную саклю. Девушка рванула на себя дверь и вошла в комнату. Мне стало интересно, что сейчас будет, но было плохо слышно. Девушка тихо-тихо сказала что-то, но родственники по инерции продолжали петь.

— Золотою казной... — пели тетки хором удивительно визгливыми голосами.

— Я осыплю тебя-а... — вторила старуха густым басом.

Мужик молчал, по моим наблюдениям, он вообще не умел говорить.

Девушка снова что-то прошипела, а дальше начался форменный цирк. За дверью заорали все, кроме мужика, слышался шум и треск ломаемой мебели.

Тетя Галя появилась в коридоре и взялась за трубку коммунального телефона, чтобы вызвать милицию.

— Подожди пока, — прошептала я, — интересно, что дальше будет.

— Как бы они нам еще под горячую руку не наcostыляли, — опасливо прошептала тетка, — этот мужик у них уж больно страшный. Руки как грабли...

Насчет мужика она оказалась не права, потому что за все время скандала он не вымолвил ни слова и тихо курил в уголке. Орала бабы, все четверо. Как мне удалось разобрать, вновь пришедшая девушка оказалась ни больше ни меньше как родной дочкой нашего дяди Вити. Ну дела! А мы ничего и не знали!

Надо отдать должное девушке — она одна успешно выстояла против троих, мужик не в счет, он не вмешивался. Через двадцать минут родственнички, отругиваясь на ходу, покинули нашу квартиру с пустыми руками — брать у дяди Вити, как я уже говорила, было нечего. Я забеспокоилась было, что отберут у меня папку с его картинами, но, как видно, родственнички не считали это чем-то стоящим, а скорей всего, вообще не знали, что дядя Витя — художник. Так что я малость успокоилась по этому поводу.

— Теперь с вами! — сказала девушка и показала нам бумагу, из коей следовало, что комната по завещанию отходит ей. — Это чтобы вы ни на что не рассчитывали, — усмехнулась фурия, — губенки чтобы не раскатывали на чужую жилплощадь...

Могу прозакладывать собственную большую голову, что у нас с тетей Галей и в мыслях не было ничего про комнату — просто еще опомниться не успели, ведь только-только соседа похоронили... Тетка не выдержала и пробормотала что-то о некоторых родственниках, которым в больницу сходить лень, и вспоминают они о человеке лишь тогда, когда можно что-то урвать...

— Мои отношения с отцом вас совершенно не касаются, — спокойно сказала девица, вздернув выщипанные брови.

Я пожал плечами и пошла в нашу с теткой комнату — как ни противно это признавать, но зараза полностью права.

Однако на этом наше общение не закончилось, потому что примерно через неделю девица явилась снова в сопровождении агента по недвижимости — маленького роста, кругленького такого мужичка. Он был лысый, с бегающими глазками, в удивительно широких клоунских брюках. Квартира неплохая, сказал он, комнаты большие, если с приплатой, то можно попробовать выменять две однокомнатные. Вот Мариночка уже согласна...

Так мы выяснили, что эту стерву зовут Мариночка. Агент углубился в какие-то сложные подсчеты и обмеры, долго бегал по квартире, потом стоял в прихожей, глядя в потолок и шевеля губами, после чего испарился вместе с Мариночкой. Однако не навсегда, потому что вскоре явился уже с какими-то бумагами и сообщил нам как о величайшей радости, что он все устроил и что нам, чтобы въехать в однокомнатную квартиру, нужно доплатить всего лишь пять тысяч долларов. Мы с теткой рассмеялись и ответили, что у нас таких денег нет. Это была чистая

правда, поскольку у тети Гали все накопления лежали в ящике комода под бельем и составляли двести пятьдесят долларов. Агент очень удивился, у него даже глазки бегать перестали. Очень жаль, что вы не хотите по-хорошему, сказал он и пригорюнился. Мариночка-то, конечно, комнату продаст, но на эту квартиру у него уже есть покупатель, и теперь сделка сорвется. И раз мы такие несговорчивые, то по просьбе Мариночки он расстается и вселит нам какого-нибудь хронического алкоголика.

— Ну, испугал! — засмеялась тетя Галя. — Да мы, почитай, всю жизнь с алкоголиком прожили, уж не тем Виктор покойный будь помянут!

— Это не тот случай, — улыбнулся агент, — бывает все гораздо хуже. А не хотите алкаша — семейство многодетное можно устроить. Мама, папа и трое детей — от семи до десяти лет, самый возраст подходящий. Вы подумайте, конечно, над перспективой, только недолго, я зайду вскорости...

Ночью тетя Галя не спала, она ворочалась и вздыхала. Утром она не пошла на работу, долго звонила куда-то по телефону, говорила с кем-то, понизив голос, после чего нарядилась в темно-синий костюм и ушла.

Явилась тетка через несколько часов, уже к вечеру. В глазах у нее стояла нечеловеческая усталость и пустота, я даже испугалась, не заболела ли она. Не ответив на мои расспросы, тетка вытащила из сумки бутылку водки. У меня отвисла челюсть — никогда в жизни такого с моей теткой не случалось. Даже в гостях или за праздничным столом она рюмку едва пригубит...

Тетя Галя велела мне позвать тихого Петю и Генку-инвалида, после чего они втроем уединились на

кухне и принялись квасить, поминая дядю Витю. Петя два раза бегал за водкой, пока мне все это не надоело и я не уложила тетку в постель совершенно пьяную. Она плакала и между делом обмолвилась, что была сегодня у моего отца и просила у него денег. Он богатый, денег у него куры не клюют, но один бог знает, чего это ей стоило, и чтобы я ни под каким видом не смела к нему обращаться, разве что уж совсем край придет... Да я и не собиралась этого делать, нужен он мне...

В результате теткинго героического поведения мы заплатили агенту пять тысяч долларов и переехали в однокомнатную квартиру на окраине.

Я очнулась от воспоминаний и удивилась, как я, оказывается, быстро все восстановила в памяти. Было так хорошо лежать в тишине, перебирая события моей жизни, голова почти не болела. Мне показалось, что я вернулась в детство, провожу время в этой котельной, пока тетка на дежурстве в больнице...

Проснулась я оттого, что кто-то взял меня за руку. Спросонья мне показалось, что я дома, то есть еще в старой нашей коммунальной квартире, что мне десять лет, я заболела гриппом и не пошла в школу, и тетя Галя сидит рядом со мной, держит меня за руку и спрашивает, чего я хочу на завтрак...

— Хочу чаю с лимоном... — пробормотала я полусонным голосом и открыла глаза.

Рядом со мной сидела вовсе не тетя Галя. На краю дивана пристроился худой немолодой дядечка в несвежем белом халате. Круглые старомодные очки были сдвинуты на лоб, дядечка держал меня за руку и к чему-то внимательно прислушивался.

— А я вас знаю, — сказала я, разглядев его как следует. — Вы к дяде Вите часто приходили.

— Тс-с! — дядечка поднес палец к губам, еще немножко послушал и отпустил мою руку, проговорив:— Восемьдесят. Это точно.

— Что — восемьдесят? — не поняла я.

— Пульс. Чаю я тебе сейчас принесу, а насчет лимона надо у Миши спросить. Михалыч! — крикнул он куда-то за занавеску. — У тебя лимон есть?

— Лимон? — из-за занавески высунулось знакомое уже лицо с пегой бородашкой. — А на фига тебе лимон?

— Да вот девушка хочет чаю с лимоном.

— Можно на угол сгонять!

— Не стоит! — Я улыбнулась, почувствовав себя удивительно спокойно, и повторила:— А я вас знаю.

— Ну-ну, — дядечка в халате спустил очки на нос, — да я тебя тоже признал. Только ты тогда маленькая совсем была, а сейчас вон какая красавица! Встать-то сможешь?

Встать мне совсем не хотелось. Хотелось лежать, бездумно смотреть на потолок с потеками и слушать ровное убаюкивающее гудение за стеной.

Словно прочитав мои мысли, дядечка в халате добавил:

— Не хочешь — не вставай, я только хотел рефлексы у тебя проверить, нет ли сотряса...

— Чего? — удивилась я.

— Сотрясения мозга.

Он наклонился надо мной, взгляделся внимательно в глаза и удовлетворенно отстранился:

— Да нет, вроде порядок. Зрачки в норме. Так что ты просто отлежись несколько дней, и будешь как новенькая. Голова — это такая вещь, что никогда не угадаешь, как повернется. Одному ломом по черепушке приложат, и хоть бы что, встанет да отряхнет-

ся, а другого чуть заденет, а он на всю жизнь парализованный...

Занавеска отодвинулась, появился дядя Миша.

— Семеныч, ты зря-то девушку не пугай! Ей и так уж досталось... А вообще-то, — он повернулся ко мне и проговорил уважительно: — Семеныч в этих делах понимает! Семеныч, он по жизни очень хороший доктор.

— Да какой я доктор! — смутился тот. — В морге санитаром состою! Только покойников мне теперь доверяют!

— Так это сейчас! — не уступал дядя Миша. — А раньше ты настоящим доктором был, невропатологом. А мастерство-то, все знают, его не пропьешь...

— Что было раньше, то никому не интересно! — отмахнулся Семеныч. — И пропить, друг сердечный, все можно, и мастерство тоже. А вот мы с гостьей твоей и правда раньше встречались. Виктор ее сюда еще совсем пацанкой приводил...

— Давайте-ка завтракать. — Дядя Миша поставил на колченогий столик пыхтящий чайник, три кружки и снова ушел за занавеску.

Я приподнялась на диване. Потолок снова слегка качнулся, но на этот раз остановился гораздо быстрее. В комнате запахло полукопченной колбасой, и я внезапно почувствовала, что ужасно хочу есть. Дядя Миша опять появился, разложил на столе хлеб, колбасу, помидоры, покосился на меня и проговорил:

— А ты, девонька, можешь не вставать, я тебе туда все принесу.

— Да нет, — я виновато улыбнулась, — я лучше сама...

Я встала и, держась за стенку, вползла в комнату. Подсела к столу, взяла ту самую кружку с курицей

и цыплятами, дядя Миша налил ее до половины крепчайшей заваркой, разбавил кипятком, протянул мне ломоть хлеба с колбасой.

— Я вам хлопот устроила... — пробормотала я с полным ртом.

— Ты глупостей-то не болтай, — обиделся он, — ешь лучше! Хлопот она устроила! Что же мне тебя — на улице надо было оставить?

Я была очень голодной, но смогла съесть только один бутерброд и помидор. Снова навалилась усталость, я чуть не заснула за столом, и Семеныч перетащил меня на диванчик. Они с Мишей пили чай, думая, что я сплю. Но сон не шел. Диван не казался теперь таким уж удобным, котел утробно гудел за стеной, и я подумала: а что, собственно, я тут делаю? Ну, допустим, еще день у меня есть оправдание — не могу встать с постели. Но не валяться же мне тут вечно, нельзя злоупотреблять добротой посторонних людей. Хватит того, что Миша подобрал меня и привел сюда, а то так бы и валялась до утра на улице, пока ранние прохожие не пойдут...

«Бестолочь ты, Танька, — услышала я теткин голос, — ну как же так можно... Одна, ночью... Совсем в голове мозгов нету!»

Все же я не полная дура и, конечно, не стала бы лезть на рожон, если бы не было у меня причины. Вернее, если бы не сложились так ужасно обстоятельства. Похоже, что именно сейчас наступила для меня полоса невезения. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я снова стала вспоминать всю свою жизнь.

В новой квартире мы зажили вначале отлично, только тете Гале далеко было ездить на работу. Я закончила потихоньку свой колледж и устроилась по теткиной рекомендации в аптеку здесь же, рядом с

Седьмой городской больницей имени наркома Кошкиса. Мы с теткой прожили тут много-много лет, все кругом были знакомые.

Квартирка была маленькая, но зато никаких соседей. Тетя Галя оклеила кухню веселенькими обоями в цветочек, повесила яркие занавески, и получилась у нас столовая. А в комнате было просторно, потому что барахла особого мы с теткой не нажили. На работе я старалась сильно не перетруждаться, в основном напирала на развлечения, благо от парней отбою не было еще со школы. В любой момент находился очередной поклонник, который согласен был повести меня в ресторан или в ночной клуб. Со временем я научилась выбирать из них тех немногих, кто не требовал после ночного клуба немедленного доказательства моей любви. Нет, разумеется, я не монашка, но считаю, что при моей внешности могу позволить себе некоторую разборчивость. Тетя Галя обычно относилась к таким вещам строго, она все время вспоминала мою мать и заклинала меня, чтобы я не повторяла ее судьбу. Но потом тетка как-то ослабила контроль, и вскоре я поняла почему.

Как ни бесшабашна я от природы — ведь я никогда не думаю о серьезных вещах и не вижу, что делается у меня под носом, — все же хоть и с опозданием, но стала я замечать, что с теткой творится что-то не то. Она стала молчаливой, надолго застывала на одном месте, уставившись в одну точку, однажды сильно обожглась утюгом, другой раз чуть не своротила на себя кипящую кастрюлю с супом. Она тяжело вздыхала и ворочалась во сне, и вставала утром с опухшими красными глазами и головной болью. Она приходила с работы гораздо позже обычного, страшно измученная, ела без всякого аппетита и ложилась

на диван лицом к стене или глядела пустыми глазами в экран телевизора. Я ненастойчиво интересовалась, все ли у нее в порядке, тетя Галя отвечала, что все нормально, и я отступилась. Но однажды я проснулась ночью от странных звуков — тетка рыдала в подушку. Что-то мне подсказало, что она будет недовольна, если обнаружит, что я не сплю. Тетя Галя стонала и кусала подушку, чтобы сдержаться, а потом стала биться головой о стенку, как-то боком, очевидно, так было ей больнее.

Тут молния сверкнула у меня в мозгу, я поняла, что тетя Галя тяжело больна и скоро уйдет, как сосед дядя Витя. И я останусь одна как перст. В жизни не испытывала такого страха, просто какой-то мистический ужас. Чувствуя, что сейчас сойду с ума, я вскочила с кровати, зажгла свет и заорала что-то несусветное. Тотчас зловредная бабка с третьего этажа стала стучать в потолок шваброй. От знакомых привычных звуков тетя Галя очнулась и перестала биться головой о стену. Тут же я налетела на нее коршуном и заставила рассказать все как есть. И тетка рассказала, что уже десять лет — десять лет! — у нее любовь с заведующим их, хирургическим, отделением больницы и что сначала он считал их роман чем-то несерьезным, поэтому ждал, что все пройдет, а потом не мог оставить семью из-за детей. Она же, тетя Галя, всегда знала, что у нее ничего не пройдет, что это на всю жизнь. Теперь дети у ее доктора давно выросли, переженились, даже внуки родились, и доктор тянул всю семью. А месяц назад он свалился с инфарктом, и тут выяснилось, что больной своей семейке совершенно не нужен. А тетя Галя не может без него жить и даже дала себе слово, что если с ним что случится, то она наложит на себя руки.